

Шэн Юань влачил жалкое, унижительное существование.

Неизвестно, кто внушил ему эту мысль — или же годы, проведённые приживальщиком под чужой крышей, наложили неизгладимый отпечаток на его разум, заставив сознание уродливо искривиться.

Когда из уст врача прозвучало слово «опухоль», первой его реакцией стал вовсе не страх перед лицом угасающей жизни. Он подсознательно решил, что заболеть — это его проступок. Ему, человеку его сорта, попросту не дозволялось хворать...

Сколько себя помнил, он только и слышал, что он обуза, ходячее несчастье, приживалка, сосущая кровь из семьи Шэн... Сколько было этих грязных, омерзительных слов, сколько незаслуженных побоев и проклятий обрушилось на его плечи — не счесть. Он давно привык.

Когда живешь из милости, донашиваешь чужое и ешь то, что соизволят бросить со стола, разве имеешь ты право на протест?

Втоптанный в самую грязь, он мечтал лишь об одном: только бы его не вышвырнули на улицу. Ради этого он готов был терпеть побои и брань хоть всю жизнь. Ютиться в темных углах, задыхаться в тесных щелях, но цепляться за жизнь — пусть тяжело, пусть невыносимо, лишь бы дышать.

В этой уродливой, удушающей атмосфере его разум созрел неестественно быстро — он повзрослел за одну ночь.

Сталкиваясь с жестокостью внешнего мира, Шэн Юань привычно винил во всем себя. Он прекрасно знал, почему мать бросила его тогда: его бесконечные болезни выгребли из дома все сбережения до копейки. Мать предпочла выживать в одиночку, лишь бы не тащить на себе этот балласт. Он стал ее непосильной ношей.

В его детском, простом сознании болезнь навсегда приравнялась к предательству.

Заболеть — значит снова оказаться выброшенным на обочину. Все эти годы он нес на себе этот кошмар, отчаянно цепляясь за хрупкую стабильность, не желая вновь пережить унижение.

Он мог бы вынести все. Но безжалостный недуг настиг его вновь.

«Меня снова бросят.

Я больше не хочу быть обузой».

Сумерки медленно выпивали остатки света из небесного купола, не оставив даже багрового шрама от заката. Небо угасало, точно обескровленное тело, теряющее в глухом одиночестве последнюю каплю жизни.

Хлынул проливной дождь. Свинцовые тучи заволокли небосвод, и мрак тяжелым саваном опустился на плечи Шэн Юаня.

Он сидел один на ледяной больничной скамье. Бессильно опущенная голова делала его похожим на раненую птицу со сломанной шеей, которая даже после гибели пытается сохранить гордую осанку.

Послышались тихие, скрадываемые шаги. Сун Бинчэн подошел и бесшумно поставил рядом с ним пластиковый контейнер с горячими, только что сваренными вонтонами. Тонкий пакет подернулся густой белой испариной.

Постояв немного в молчании, Сун Бинчэн понял, что любые слова сейчас будут лишними. Правда обрушилась слишком внезапно. Им самим требовалось время, чтобы осознать случившееся, а Шэн Юаню — тем более.

Время шло незаметно. Вонтоны остыли, и на поверхности некогда молочно-белого бульона застыли тусклые капли жира.

Шэн Юань не двигался, замерев в прежней позе. Заключение врача мертвым грузом лежало у него на коленях.

Ему казалось, будто он невесомо парит. Душа, освободившись от оков плоти, уносила его в абсолютную, звенящую тишину.

Но стоило наваждению пройти, как он вновь ощущал себя увязающим в бездонной трясине. Гнилая топь затягивала все глубже, забивала рот и нос, мягко, но настойчиво лишая возможности дышать.

Из приоткрытого окна дул ветер, принося с собой промозглую сырость.

Лу Тинси наблюдала за ним издалека. В этот миг ее пронзило страшное открытие: их жизнерадостный, вечно улыбающийся Маленький полумесяц давно угасал, источенный болезнью до самых костей. Как она могла не заметить? Почему не поняла, что все это время он держался из последних сил?

Он сидел под окном, безучастный ко всему. Резкие порывы ветра лениво переворачивали тонкие листы медицинского отчета, заставляя его раз за разом пробежать глазами по безжалостным печатным строкам. Сопротивляться не хотелось.

Лу Тинси опустилась рядом и взяла холодную чашку с вонтонами.

Громкое прихлебывание выдернуло Шэн Юаня из забытья. Притворившись заспанным, он зевнул, потер покрасневшие глаза и шутливо проворчал:

— Лу Тинси, объедать больного человека — это уже слишком.

Глядя на его вымученную улыбку, Лу Тинси почувствовала, как горло сдавило спазмом.

Она уткнулась лицом в чашку, делая вид, что увлечена бульоном, и часто заморгала, пытаясь сдержать подступающие слезы. Проглотив остывший вонтон, она недовольно поморщилась:

— Такую еду нужно есть с пылу с жару, а ты все остудил. Если бы я не пришла на помощь, продукты бы просто пропали.

—... Я тоже хочу, — Шэн Юань прикусил бледную губу.

— Вот же обжора! Стоит мне взять ложку, как у тебя сразу просыпается аппетит.

Лу Тинси аккуратно зачерпывала целые вонтоны и кормила его с ложечки, а порванные кусочки теста съедала сама. Так, ложка за ложкой, они разделили скромный ужин на двоих.

— А где наш крутой парень? — спросил Шэн Юань.

— В депрессию впал, — Лу Тинси стерла пальцем каплю жира с губ и с досадой фыркнула: — Здоровый мужик, а душа нежнее мимозы. Ему бы поучиться стойкости у нашего Сяо Юэя, верно?

Шэн Юань слабо улыбнулся:

— Что-то я и правда устал.

Лу Тинси откинулась на спинку скамьи, потянулась и прислонилась затылком к холодной стене. Как бы невзначай она спросила:

— Послушай... ты ведь не сообщил семье?

—... Не хочу говорить им.

— Но почему? Ты ведь еще учишься, откуда у тебя возьмутся... — Лу Тинси осеклась на

полуслове, словно ее ударило током, и проглотила остаток фразы.

В это короткое мгновение, глядя на упрямо сжатые губы юноши, она внезапно осознала мотивы всех его поступков.

Его безумная гонка за стипендиями, изнурительные подработки без сна и отдыха — все это было попыткой накопить денег, вырваться из золотой клетки семьи Шэн и обрести независимость. Он просто хотел выстоять в этом безжалостном, сияющем роскошью мегаполисе и сохранить остатки достоинства.

Маленький полумесяц вырос и отчаянно пытался светить сам.

— Ладно. Что бы ты ни решил, я с тобой. И о деньгах на лечение не думай — у меня найдутся кое-какие сбережения, — голос Лу Тинси потеплел, став тихим, но предельно серьезным. Она шутливо потерла пальцы, изображая веер из купюр.

— Госпожа Лу, не недооценивайте меня, — упрямо буркнул Шэн Юань. — Я тоже накопил приличную сумму.

— Верю-верю. Ты у нас самый самостоятельный.

Шэн Юань тихо рассмеялся и отвернулся к окну, подставляя лицо влажному ночному ветру, чтобы тот остудил жжение в глазах.

Он действительно работал не покладая рук, экономя буквально на всем. Совсем скоро у него должен был появиться собственный уголок здесь, в Юньчуане.

Но теперь эта мечта вновь казалась недостижимой.

— Сяо Юэя, у тебя обязательно будет свой дом.

—... Обязательно.

Шэн Юань вернулся на виллу в Сицзяне в полном одиночестве. Му Сюня, как и следовало ожидать, дома не оказалось. Оставив на журнальном столике соглашение о расторжении помолвки, юноша тихо покинул дом и сел на первый попавшийся автобус.

Всю жизнь он безропотно подчинялся чужой воле, позволяя решать за себя. Пожалуй, этот молчаливый уход стал самым дерзким бунтом, на который он когда-либо отважился.

Час пик превратил салон автобуса в подобие консервной банки, забитой сельдью. Зажатый в толпе, Шэн Юань покачивался в такт движению, борясь с подступающим приступом тошноты.

Вдруг экран его телефона вспыхнул — пришло уведомление от аккаунта из списка избранного в Weibo.

[Официальный аккаунт аудиодрамы «Династия»]

[Всем, кто следит за проектом «Династия»: Студия звукозаписи Цинъинь сообщает, что по состоянию здоровья актера CV Цзяюэ Кунмина и во избежание задержек в производстве, он принял решение покинуть проект по собственному желанию. После детального обсуждения внутри команды роль Чоу Мина будет перезаписана актером Ли Цзиншэнем из WTT. Благодарим вас за верность и понимание...]

Шэн Юань оцепенел.

Он неверующе уставился на черные буквы на белом фоне. Слова «по собственному желанию» резали глаза. Пальцы мелко задрожали, а бешено заколотившееся сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Юноша до боли вонзил ногти в ладони, пытаясь вернуть контроль над разумом и лихорадочно восстанавливая в памяти события этого долгого дня.

«Может, я что-то упустил? Какая-то деталь ускользнула от моего внимания?»

Приступ, больница, страшный диагноз — все это произошло сегодня. Ошибки быть не могло.

Какое еще «собственное желание»? Ложь! Он зубами выгрыз этот шанс, прошел жесточайший отбор ради роли Чоу Мина. Он никогда не отдал бы ее добровольно! И ведь никто из команды даже не потрудился связаться с ним.

Он до крови кусал губы, не замечая металлического привкуса во рту.

С трудом подавляя дрожь, он открыл WeChat и обнаружил, что его аккаунт безжалостно удален из рабочего чата «Династии».

В отчаянии он открыл диалог с Сян Шэн и, собрав последние крохи сил, дрожащими пальцами набрал вопрос: почему опубликовали такую новость и в чем его вина?

Ответ от сестры Сян Шэн пришел незамедлительно в виде нескольких голосовых сообщений:

— Да твою же мать! Блядские ублюдки, они же божились, что подождут пару дней, прежде чем выкладывать пост!

— Юань-Юань, только не смей паниковать. Сейчас твоя главная задача — встать на ноги, забудь пока обо всей этой херне. Наш мир клином на «Династии» не сошелся.

— «Династия» — слишком лакомый кусок, на него у многих слюни текли. Скажу прямо: тебя невзлюбили с самого первого дня в касте. Слишком завистливая у нас тусовка.

— И этот Ли Цзиншэнь, мудила гребаный... Играл бы в своих дорамах и не лез в озвучку! Но за его спиной стоит WTT — гигант, против которого наша студия как песчинка против скалы. Мы с учителем И боролись за тебя до последнего, не хотели соглашаться. Но силы были слишком неравны. Нас просто раздавили.

Голос Сян Шэн стих. В груди Шэн Юаня разлилась выжигающая пустота, оставив после себя лишь горькое послевкусие разочарования.

Напряжение покинуло тело, и он без сил сполз на пол, забившись в самый угол ревущего автобуса.

Он всю жизнь пытался быть хорошим, послушным, уступчивым. И к чему это привело? Лишь к тому, что его стали топтать с удвоенной яростью. Кротость породила вседозволенность ублюдков.

В этот момент он на собственной шкуре ощутил первобытный закон джунглей, по которому живет этот мир.

Экран телефона снова моргнул — новое сообщение. На этот раз от арендодателя.

На прикрепленном снимке виднелся крошечный, пушистый белый комочек.

За окном бушевала стихия, автобус швыряло на ухабах.

Внутренности Шэн Юаня скрутило спазмом тошноты, виски лопались от пульсирующей боли. Перед глазамиплыли серые круги и двоились силуэты. Он чувствовал, что вот-вот лишится чувств.

С трудом сфокусировав взгляд на экране, он узнал в белом комочке Яояо.

Вслед за фото полетела пулеметная очередь из гневных сообщений:

[Хозяйка квартиры]

[Хорошо, что я сегодня заглянула в квартиру! Кто разрешил тебе держать собаку в арендованном жилье?]

[Погрызет диван или журнальный столик — ты платить будешь? Разожмет мочевой пузырь на ковры, вонищу потом ничем не выведешь! Как мне после тебя квартиру сдавать?]

Шэн Юань уперся свободной рукой в грязный пол автобуса, стараясь удержать равновесие. Пальцы одеревенели от холода и боли, но он заставил себя набрать ответ:

— В договоре не было пункта о запрете на животных.

[Хозяйка квартиры]

[Мало ли что там не написано! Ты что, первый раз жилье снимаешь? Молодой еще, а уже научился лазейки искать!]

[Поспрашивай у людей, найди хоть одного хозяина, который разрешит держать пса в чужом доме! Это НЕ твоя квартира!]

— Ему и месяца нет, зубы еще не выросли. Пожалуйста, пусть побудет у меня, пока не окрепнет, а как подрастет — я сразу пристрою его в добрые руки.

[Хозяйка квартиры]

[Можешь не утруждаться. Я уже вышвырнула его на улицу.]

Шэн Юань оцепенел. Ледяная волна ужаса накрыла его с головой.

[Хозяйка квартиры]

[Я ведь пожалела тебя, нищего студента, сделала скидку! Желающих снять эту комнату полно. Не нравится — проваливай на все четыре стороны!]

Автобус затормозил на остановке. Схватившись за поручень, Шэн Юань через силу заставил ослабевшие ноги подняться и рванулся вон, прямо под холодные струи проливного дождя.

Тяжелые капли хлестали по лицу, мешая видеть дорогу.

В панике он заметался по дворам, словно безумный, пока страшная догадка не пронзила его разум. Он со всех ног бросился к мусорным бакам.

Внутренний голос кричал, что Яоя там. Ведь именно возле помойки он когда-то подобрал этого едва живого щенка.

Шэн Юань нырнул в зловонное нутро бака. Тошнотворный запах гнили ударил в нос, вышибая слезы.

Тонкие изящные пальцы, привыкшие лишь к послушным кистям и чувствительным микрофонам, теперь по локоть погрузились в липкую грязь. Он разгребал гниющие отбросы, пачкая руки в помоях, но не чувствовал ничего, кроме дикого, удушающего страха.

Дождь промочил его тонкую одежду насквозь. Вода смешивалась со слезами на его щеках и стекала в темную бездну контейнера.

Нервы были натянуты до предела. Еще один удар — и он просто сломается.

Внезапно сквозь сплошную стену ливня до него донесся тихий писк. Вспыхнувшая надежда придала ему сил, и он принялся потрошить пакеты с удвоенной яростью.

Редкие прохожие шарахались от него, принимая за безумного бродягу.

Наконец из заклеенной скотчем картонной коробки раздалось жалобное поскуливание.

Не помня себя, он голыми руками разорвал плотный картон и вытащил мокрого белого щенка, прижимая его к груди как величайшее сокровище на свете.

— Малыш... не бойся, я здесь. Ну тише, тише, маленький... — шептал он, давясь слезами.

Ноги подкосились. Потратив все силы, Шэн Юань рухнул на колени прямо в грязную лужу, тяжело и прерывисто дыша.

Он спрятал Яоя под куртку, стараясь согреть его крошечное тельце своим теплом.

Почувствовав безопасность, щенок перестал дрожать. Юноша ласково гладил влажную шерстку на его голове и нежные розовые ушки, продолжая тихо баюкать.

Оставаться под ливнем было опасно. Прижимая к себе Яоя, Шэн Юань поспешил к подъезду.

Дрожащими руками выудив из рюкзака связку ключей, он вставил ключ в замочную скважину

и повернул его. Замок не поддался.

Он растерянно уставился на дверь. Попробовал еще раз, нажимая сильнее — бесполезно.

И тут на экране всплыло последнее сообщение от хозяйки:

[Хозяйка квартиры]

[Я сменила замки. Хочешь жить дальше — приходи ко мне за новыми ключами, но без своей паршивой псины. Или убирайся вместе с ней на улицу!]

Его рука безвольно опустилась, пальцы сжались в кулак так крепко, что побелели костяшки. Внутри все кипело от бессильной ярости. Но стоило щенку жалобно пискнуть, как гнев улетучился, сменившись щемящей тоской.

Яоя не ел весь день. Забившись поглубже под куртку, он беззащитно сосал палец хозяина.

Опасаясь, что щенок ослабнет от голода, Шэн Юань побежал в ближайший круглосуточный магазин за пакетом козьего молока. Зонт был давно потерян.

Спеша укрыться под ближайшим навесом, он поскользнулся на мокром асфальте. Мир качнулся, земля резко полетела навстречу.

В падении он инстинктивно сгруппировался, намертво прижимая к себе Яоя, чтобы защитить его от удара. Сам же плашмя рухнул на бетон. Удар пришелся на подбородок — кожа лопнула, потекла струйка крови. От резкого толчка слуховой аппарат слетел с уха и упал на землю.

— Прости меня, малыш, прости... — шептал он, не замечая собственной боли.

Шэн Юань судорожно осмотрел щенка, ощупывая лапки и животик. Убедившись, что Яоя цел и невредим и лишь удивленно моргает бусинками глаз, он наконец облегченно выдохнул.

И тут взгляд его упал на слуховой аппарат, сиротливо лежащий в мутной луже неподалеку.

Сердце сжалось от дурного предчувствия. Дрожащими руками он выловил прибор из воды, торопливо протер и вставил в ухо. Он замер, боясь пошевелиться, вслушиваясь в пустоту, как выброшенная на берег рыба.

Ни единого звука.

Шэн Юань хрипло хватал ртом воздух, прижимая ладонь к ноющей груди. Каждая клеточка его

тела стонала от физической и душевной боли.

Он вытирал аппарат о сухие участки одежды, разбирал, продувал, вставил снова и снова... Все было тщетно.

Прибор умер.

Вокруг воцарилось безмолвие.

Пожалуй, это были самые черные, самые одинокие минуты в его жизни.

Промокший до нитки, он сжался в комок в подворотне. Ледяные струи нещадно хлестали по телу, вызывая крупную, неутихающую дрожь.

Крепко зажав сломанный аппарат в руке и убаюкивая щенка, он тихо шептал:

— Прости меня, глупого... Кажется, я совсем ничего не умею делать правильно. Почему меня все бросают? За что? И тебя за собой утянул, заставил страдать...

Яоя завозился, высунул из-под куртки лобастую мордочку, поскреб лапкой его подбородок, ткнулся влажным носом в щеку и ласково лизнул шершавым язычком.

Этого мимолетного проявления преданности оказалось достаточно, чтобы плотина рухнула. Слезы брызнули из глаз Шэн Юаня.

Он так долго притворялся сильным, так долго копил обиду и горечь, но теперь эта ноша сломала его окончательно. Он разрыдался.

Он плакал беззвучно, лишь плечи судорожно вздрагивали от редких беззащитных всхлипов.

Дождь смывал слезы, превращая его лицо в сплошную влажную маску.

— Ничего... Главное, что мы есть друг у друга. Большого мне и не надо, — шептал он, целуя теплую макушку. — Ты не брошенный, слышишь? Я заберу тебя. Я выращу тебя. И больше никто, запомни, никто не посмеет выставить тебя за дверь.

— Пусть у меня нет своего угла... но у моего щенка дом будет.

— Твой дом — это я.

Он заворуженно смотрел на темнеющий горизонт, на беспросветное небо, стиснувшее город своими серыми тисками, и отчетливо понимал страшную истину.

Горести этого мира всегда стекают на самое дно, погребая под собой слабых и беззащитных. Сильные же стоят у весов. Они делятся на два лагеря: те, кто защищен нерушимой броней денег и семейного влияния, и те, у кого отняли последнее, кому больше нечего терять.

Шэн Юань же застрял посередине. Слишком уязвим, чтобы сражаться, и слишком горд, чтобы сдаться. Ему суждено было стать жертвой, которую чаша весов безжалостно сбросила вниз.

Гром сотрясал спящие улицы, ливень хлестал без умолку, а ему некуда было идти.

И вдруг перед его глазами появились начищенные до блеска черные туфли.

Дорогая кожа, которой полагалось сверкать в свете софитов, теперь была усеяна грязными брызгами.

Шэн Юань перестал плакать и медленно поднял покрасневшие глаза.

Купол широкого черного зонта накренился, укрывая его от яростных струй, но оставляя плечо незнакомца беззащитным перед стихией.

Шэн Юань заметил на его запястье крошечную родинку — яркую, как капля киновари.

Он видел ее во сне сотни раз. Сколько часов он провел перед неоконченным холстом в своей мастерской, держа кисть наготове, но так и не осмелившись нанести этот единственный красный мазок?

Мужчина стоял против света. Его безупречный силуэт, стройный и прямой, напоминал стебель бамбука. Точеные черты лица казались миражом, рожденным измученным разумом.

Если у этого жестокого мира и был спаситель, то выглядеть он должен был именно так.

Шэн Юань смотрел на него снизу вверх с благоговением неопита, впервые обретшего веру.

В это мгновение он понял: это судьба.

Они виделись всего во второй раз. Му Сяодо был все так же холоден, далек и недосыгаем.

Шэн Юаню стало невыносимо стыдно. Разве достоин такой ничтожный калека делить один зонт со столь безупречным человеком?

— Шэн Юань, уезжай со мной, — Му Сяодо произнес это на кантонском диалекте.

Эту фразу, ставшую их первым разговором после долгой разлуки, он сказал на том самом наречии, на котором когда-то, много лет назад, нарек его Шэн Юанем. Вот только сейчас мальчик ничего не мог услышать.

Но невидимые нити судьбы, связывающие их крепче кровных уз, уже переплелись, прорастая глубоко в чужую, холодную землю этой промозглой ночью.

<http://bllate.org/book/20131/2131488>